

В. Е. БѢЛИНСКІЙ

РУССКІЙ НАЦІОНАЛЬНЫЙ ФЛАГЪ
И
ЕГО РЕФОРМА.

Изъ «Журнала Министерства Юстиции»
(Ноябрь 1910 г.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1911.

РУССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФЛАГЪ И ЕГО РЕФОРМА.

В. Е. Бѣлинскаго.

„Les lois héraudiques sont sanctionnées, y compris celles inventées par les hérauldistes,—pourvu, qu'elles aient subi la consécration d'une pratique générale et séculaire“.

Godefroy de Crollalanza.

Предварительныя разъясненія особыхъ терминовъ.

Приступая къ разсмотрѣнію вопроса о цвѣтахъ русскаго государственного національнаго флага, надо начать съ указанія нѣкоторыхъ общихъ правилъ геральдики, имѣющихъ въ данномъ случаѣ примѣненіе, и привести специальные ея термины.

Въ геральдикѣ существуетъ только *четыре* основныхъ цвѣта, называемыхъ „финифтами“, *два* металла и *два* мѣха.

Финифти эти—червленъ, т. е. красный цвѣть, по французской, образцовой терминологии—*gueules* (отъ древне-еврейскаго *gulud*), символъ крови, энергіи, силы, аллегорія войны и пр.; лазуръ (*azur*)—символъ неба и воды, благородства, чистоты—въ болѣе специальному значеніи, символъ королевской власти; зелень (*sinople*)—аллегорія природы, и чернь (*sable*)—символъ земли (песокъ турнирной арены). Всѣ эти цвѣта или финифти не имѣютъ никакихъ оттенковъ или видоизмѣненій (тѣновъ), и, напр., всѣ красные цвѣта—алые, розовые, малиновые и т. п.,

какими бы красками ни изображалъ художникъ этотъ геральдический цветъ, — всегда остаются только червлеными. То же самое съ другими цветами. Графически они изображаются: червленый — вертикальными, лазуревый — горизонтальными и зеленый — диагональными штрихами, а черный — скѣткой, получающейся отъ сочетанія вертикальныхъ и горизонтальныхъ штриховъ.

Всѣ пурпурные, стальные, фиолетовые цвета, одно время бывшіе въ употребленіи, — нынѣ отброшены. Есть еще натуральный цветъ, которымъ изображаются геральдическія фигуры, т. е. настоящій цветъ изображаемыхъ предметовъ, напр., натуральный человѣкъ, т. е. человѣческая фигура тѣлеснаго цвета, и т. п.

Желтаго (со всѣми его измѣненіями — оранжевымъ, золотистымъ и др.) и благоцвѣтовъ въ геральдикѣ вовсе нѣть, а они изображаютъ золото и серебро (ог, argent). Другіе металлы, какъ сталь, желѣзо, — попадаются только въ видѣ самыхъ рѣдкихъ исключеній и неупотребительны. Золото графически изображается точками, серебро — пустымъ (блѣмы) пространствомъ.

Мѣха имѣютъ свое особенное изображеніе, но въ интересующемъ насъ предметѣ они роли не играютъ, а потому о нихъ не будемъ говорить.

Площадь, на которой помѣщаются геральдическія эмблемы (т. е. разныя изображенія предметовъ окружающей природы, обстановки и фантазіи по особому, разъ навсегда установленному рисунку) и фигуры геометрическихъ формъ, которая должна быть разцвѣчена финифтью, металломъ или мѣхомъ, называется полемъ вообще и щитомъ въ частности, если она относится къ гербу (т. е. ограничена линіями, изображающими рыцарскій гербовный щитъ той или другой формы; турнирные щиты съ ихъ изображеніями дали начало геральдикѣ, какъ наукѣ о гербахъ). Поэтому при описаніи флага или герба обыкновенно начинаютъ со словъ: „въ лазуревомъ полѣ“ — или „въ золотомъ щитѣ“ и т. д.

Въ этомъ полѣ или щитѣ помѣщаются эмблемы и фигуры, тоже разныхъ финифтей и металловъ, должны размѣщаться симметрично — по извѣстнымъ правиламъ, при чёмъ

одна эмблема помещается въ серединѣ поля или щита, двѣ—въ серединѣ рядомъ, три—2 наверху и 1 внизу; четыре—по угламъ щита, пять—съ прибавкой пятой въ середину, и т. д.

Если изображенія помѣщены въ горизонтальномъ положеніи (рядомъ), то о нихъ говорятъ „*въ поясъ*“ (en fasce), если они размѣщены вертикально (одна надъ другой), то положеніе ихъ будетъ „*въ столбъ*“ (en pal); диагональное положеніе называется „*скошенными*“ (en barre, en bande).

Двѣ диагонали (крестообразное скосенное положеніе) называются „андреевскимъ или бургундскимъ“ крестомъ (sautoir), напр., „шесть червленыхъ ядеръ въ андреевской крестъ“, въ отличие отъ простого крестообразного положенія. Если предметы размѣщены по рисунку буквы Т¹), это будетъ „*въ антоньевский крестъ*“; щитъ или поле, раздѣленные прямой линией пополамъ сверху внизъ, называются „*разспеченными*“; раздѣленные горизонтально—„*переспеченными*“; диагонально,—„*скошенными*“—вправо или влѣво, при чемъ правой стороной считается часть, приходящаяся противъ лѣваго глаза смотрящаго (parti, taill ).

Верхняя часть щита (верхняя $\frac{1}{3}$)—называется „*главою*“ (chef), нижняя—оконечностью (pointe); кроме того, существуютъ „*углы*“,—„*вольная часть*“ (franc quartier) и (cantons) „*четверти*“ и пр. Фигура, изображаемая двумя линіями, идущими параллельно въ горизонтальномъ направленіи поля или щита—образуетъ *поясъ* (того или другого цвета или металла).

Такія же линіи въ вертикальномъ направленіи—образуютъ *столбъ*, такъ что на флагѣ цветныхъ полосы могутъ быть столбами или поясами; сочетаніе ихъ даетъ *крести*, когда они встрѣчаются подъ прямымъ угломъ, и *андреевские* или *бургундские кресть*, когда пересеченіе будетъ подъ острыми и тупыми углами (т. е. диагональное), когда они скосены.

Основное правило геральдики требуетъ, чтобы предметы (эмблемы и фигуры) были изображаемы финифтью, если они

¹) Т—образная фигура—Tau, taf, b cquille de Saint-Antoine.

размѣщены въ металлическомъ полѣ (въ желтомъ или бѣломъ), и наоборотъ (on ne met point métal sur métal, ni émail sur émail), т. е. никогда не кладутъ металла на металль, ни фианиты на фианитъ; въ противномъ случаѣ, а они бываютъ часты, получится геральдическая „фальшь“ (armes fausses).

Второе правило: нельзя произвольно измѣнять рисунокъ и цвѣтъ (металль) эмблемы или геральдической фигуры (т. е. крестовъ, столбовъ, поясовъ, шевроновъ и др.); малѣйшее измѣненіе въ этомъ разѣ принятомъ направленіи считается нарушеніемъ и превращеніемъ въ новое. Сочетанія эмблемъ и фигуръ должны быть по возможности просты. Если одно изображеніе покрываетъ другое (наложено или насажено на него), то оно его „обременяетъ“ (charge); если находится возлѣ другого, рядомъ,— „сопровождается“ (suit); короны, мантіи и пр. „украшаютъ“ (ornent) фигуру или щитъ, по бокамъ котораго орнаментація, въ формѣ листа сельдерея (feuille d'ache), называется „наметомъ“, принимающимъ всегда цвѣтъ поля щита и главной его фигуры (lambrequins—бывшія турнирныя ленты рыцаря).

Кромѣ всѣхъ этихъ основныхъ правилъ и аксиомъ геральдики, послѣдняя придерживается еще своеобразной красоты рисунка, составляющаго предметъ особаго изученія этой почти у насъ забытой науки, возрождающейся однако за границей, особенно въ Германіи, гдѣ ею теперь занимаются съ особымъ рвениемъ ученые и дилетанты (Императоръ Вильгельмъ II самъ хорошо знаетъ геральдику). Въ настоящее время она начинаетъ сильно распространяться, какъ важная отрасль историческихъ знаній и какъ совершенно законченная наука, изучаемая наравнѣ съ сигиллистикой, сфрагистикой (наука о древнихъ печатахъ), генеалогіей, нумизматикой и пр. Всѣ вмѣстѣ, эти знанія составляютъ громадное подспорье для исторіи и археологии вообще. Нельзя сказать, чтобы геральдика, какъ это было въ прежнія времена, интересовала у насъ общество. Напротивъ, ее почти совершенно у насъ забыли, неправильно и необоснованно считая знаніе ея специальностью привилегированныхъ классовъ. Съ паденiemъ дворянскихъ традицій, увлеченіе геральдикой вообще у насъ ис-

чезло, а геральдической литературы, можно сказать, не существует вовсе. Все, что написано у насъ по геральдикѣ, сводится лишь къ нѣсколькимъ трудамъ, изъ которыхъ лучшимъ считается сочиненіе Лавіера—Русская геральдика, С.-Петербургъ, 1853 г. Затѣмъ извѣстны Мальгина—Начертаніе гербовѣдѣнія, С.-Петербургъ, 1805 г.; Максимовича-Амбодикъ—Избранныя эмблемы и символы, С.-Петербургъ, 1811 г. Изъ позѣйшихъ, П. фонъ-Винклера—Русская геральдика, С.-Петербургъ, 1892 г. всего 3 выпуска, и его же Гербы Российской Имперіи, С.-Петербургъ, 1899 г. Главнымъ же источникомъ нашего гербовѣдѣнія является официальный Общій Гербовникъ Всероссийской Имперіи (съ 1798 года), послѣдній XIV томъ котораго еще не изданъ.

I. Трехцвѣтный флагъ.

Трехцвѣтный національный флагъ встречается чаще двуцвѣтного, одноцвѣтного и другихъ флаговъ, среди которыхъ нерѣдко есть флаги, заключающіе, кроме финифтныхъ¹⁾ и металлическихъ поясовъ и столбовъ, фигуры и эмблемы, даже цѣлые гербы. Въ частности сочетаніе лазуревой и червленой финифтей съ серебромъ мы видимъ въ Европѣ на флагахъ французскомъ, русскомъ, сербскомъ и нидерландскомъ²⁾), при чемъ разница состоить лишь въ порядкѣ и формѣ ихъ сочетаній. Такъ, въ первомъ эти цвѣта (rouge-blanc-bleu—красный, бѣлый, синій) расположены въ столбъ, а въ остальныхъ флагахъ—въ поясъ.

Привезенный г. П. Бѣлавенцомъ изъ Архангельска по Высочайшему повелѣнію „Петровскій стандартъ“ бѣло-сине-красный съ обременяющимъ его золотымъ двуглавымъ, коронованнымъ орломъ, есть, повидимому, подражаніе петровской реформаторской эпохи западнымъ (польскимъ, французскимъ и голландскимъ) образцамъ. Подражаніе это однако можетъ

¹⁾ Т. е. цвѣтныхъ.

²⁾ Нашъ и нидерландскій отличаются тѣмъ, что верхній цвѣтъ второго составляетъ нижній цвѣтъ первого.

быть названо съюло неудачнымъ, и вотъ по какимъ серьезнымъ основаніямъ.

Оно, во-первыхъ, далеко не самобытно, какимъ между тѣмъ должно быть всякое національное отличіе, а таковыи прежде всего является національный флагъ.

Во-вторыхъ, оно не имѣеть какихъ либо существенныхъ историческихъ оснований, исторической давности.

Въ-третьихъ, оно геральдически не эстетично—некрасиво неумѣлымъ своимъ построеніемъ и рисункомъ. Затѣмъ—оно въ техническомъ значеніи „фальшиво“, какъ геральдическое составленіе и сочетаніе финифтей и металловъ поля и эмблемы (орла), и наконецъ—неправильно съ точки зрењія измѣненія основного традиціоннаго цвѣта древней нашей эмблемы—византійскаго орла.

Именно три означенныхъ цвѣта до Петра Великаго едвали гдѣ либо фигурировали въ нашемъ отечествѣ, какъ національные, а если, быть можетъ, гдѣ нибудь и встрѣчались, то, какъ кажется, никогда не пріобрѣли извѣстности и популярности.

Такого же распространенія сочетаніе названныхъ цвѣтовъ не пріобрѣло и послѣ^{*} Петра, вплоть до нашихъ временъ, (1883 г.), когда они признаны были официально государственными, но безъ обременяющаго двуглаваго желтаго (золотого) коронованнаго орла. Какъ бы то ни было, но, по объясненіямъ г. Бѣлавенца, столь нашумѣвшій привезенный имъ флагъ является не болѣе, какъ морскимъ „штандартомъ“, который впослѣдствіи даже, по волѣ самого же своего составителя, замѣненъ былъ другимъ флагомъ, по рисунку французскаго или голландскаго рисовальщика Алярда, еще менѣе похожимъ на національно-государственный, чѣмъ первый. Именно въ 1703 г., т. е. всего 200 лѣтъ до нашей эпохи, былъ созданъ современный морской военный флагъ „стандартъ во образѣ креста Святаго Андрея“, для „морскаго хода“ лишь „потребный“, но не претендующій вовсе на роль общегосударственнаго и національнаго, чего и самъ Петръ Великій не имѣлъ виду при его составленіи. То же самое можно сказать и о бѣло-сине-красномъ такомъ же морскомъ флагѣ 1700 г., предшествовавшемъ андреевскому.

Ни одинъ изъ этихъ флаговъ не имѣлъ признаковъ национального, какъ такового.

Приводимый же въ статьѣ г. Бѣлавенца исторический разсказъ о выборѣ бѣло-сине-красныхъ цветовъ флага савимъ Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, и то въ концѣ XVII вѣка, чуть не наканунѣ петровской эпохи (въ 1676 г.), сравнительно новой въ нашей исторіи, не можетъ быть признанъ убѣдительнымъ ни для историка вообще, ни для геральдика въ частности. Еще менѣе убѣдительнымъ такой выборъ оказывается и потому, что, какъ видно, онъ былъ совершенъ подъ вліяніемъ и по почину иностранца-наемника, капитана Бутлера. Родъ Бутлеровъ англо-ирландскаго происхожденія (Butler). До XVII в. представители этой фамилии при разныхъ англійскихъ короляхъ занимали видныя мѣста въ государствѣ и даже пользовались графскимъ титуломъ, но въ первой половинѣ XVII вѣка, вѣроятно, подъ вліяніемъ религіозныхъ событий, а, можетъ быть, и по другой причинѣ—нѣкій полковникъ Яковъ Бутлеръ эмигрировалъ сперва въ Ливонію, а оттуда въ Польшу, принялъ чольское подданство и по такъ называемому „индигенату“¹⁾ утвержденъ былъ въ древнемъ дворянствѣ вмѣстѣ съ гербомъ, внесеннымъ во всѣ польские древніе и новые гербовники—„въ червленомъ щитѣ золотая корзина съ натуральными цветами“. Другие представители того же рода поселились въ Германіи, гдѣ одинъ изъ нихъ, знаменитый полковникъ Бутлеръ, генералъ въ арміи Валленштейна, открылъ его измѣну, а другой при Фердинандѣ II получилъ графское достоинство. Современемъ Бутлеры совсѣмъ ополячились, переженились на дочеряхъ родовитыхъ магнатовъ и, породнившись съ ними, стали занимать видныя мѣста въ королевствѣ. Отъ нихъ осталось большое потомство, существующее и по сіе время. Вильгельмъ Бутлеръ въ 1680 году былъ представителемъ польского короля при разграничении земель (на границѣ) съ царемъ Московскимъ. Капитанъ Бутлеръ, о которомъ упоминаетъ въ своей статьѣ г. Бѣлавенецъ, несо-

¹⁾ Indygenat—см. у польского геральдика Несецкаго.

мнѣнио, принадлежалъ къ этому польскому роду, на что указывается и годъ (1677) пребыванія его въ Московскомъ царствѣ. Цвѣта петровскаго стандарта, какъ оказывается, были выбраны царемъ по ходатайству этого капитана наемной службы единственнаго тогдашняго Дѣдинскаго нашего корабля, при чёмъ отъ казны на нужды сего иностранца было отпущено столько-то аршинъ „киндяковъ“ и столько-то аршинъ „тафтъ“ червчатыхъ, бѣлыхъ и лазоревыхъ, къ корабельному дѣлу на знамена и на „яловчики“. Затѣмъ Петръ Великій послѣ первого своего посѣщенія города Архангельска въ 1693 году пожаловалъ архангельскому архіепископу Аѳанасію свой „стругъ“, на которомъ онъ плавалъ на рѣкѣ Двинѣ, „со всюю счастью корабельною“. Такимъ образомъ этотъ стандартъ развѣвался на рѣчномъ царскомъ „стругѣ“ и подаренъ затѣмъ на память, какъ никому ненужная больше, непригодная Петру Великому вещь, вмѣстѣ съ другими счастиями, отслужившими свое и сданными въ архивъ.

Вотъ и все его историческое значение...

Но такимъ путемъ далеко еще не создается столь важное государственное отличие, какимъ несомнѣнно считается, а особенно признавался въ тѣ времена,—національный флагъ. Скорая его послѣдующая отмѣна также говорить не въ пользу его усвоенія Петромъ Великимъ, очевидно далеко не проникшимся выборомъ царственного своего предмѣстника и отдавшимъ предпочтеніе Алярдовскимъ проектамъ и образцамъ.

Исторія умалчиваетъ при этомъ, чѣмъ собственно руководился при „выборѣ“ этихъ національныхъ (?) цвѣтовъ самъ Московскій царь Алексѣй Михайловичъ, едва-ли вмѣстѣ съ тогдашними боярами и приближенными хорошо усвоившій правила современной геральдики, какъ западно-европейской науки, мало извѣстной въ Московской Руси¹), на что указы-

¹⁾ При этомъ царь настолько мало было распространено это знаніе, что Алексѣй Михайловичъ просилъ императора Леопольда I прислатъ ему ученаго по этой части. Императоръ исполнилъ просьбу царя и прислалъ въ Москву своего герольдмейстера Лаврентія Хурулевича, называемаго короче Куреличемъ, который въ 1673 г. собралъ русскіе тогдашніе гербы и отличія въ изданномъ на латинскомъ языкѣ сочиненіи „О родословіи Россійскихъ Великихъ Князей и Государей“ (Арх. Мин. Иностр. Д.).

ваетъ также, между прочимъ, и самыи совѣтъ Бутлера царю, что необходимо выбратьъ національные цвѣта: „а цвѣтами, какъ Великій Государь укажетъ; но только на корабляхъ бываетъ кото-раго государства корабль, того государства бываетъ и знамя“, — во всякомъ случаѣ свидѣтельствующій о знаніи Бутлеромъ офиціальной геральдики. Такъ и осталось неизвѣстнымъ, кто собственно навелъ царя на мысль посыпать Бутлеру именно червчатыя (т. е. несомнѣнно „червленые“ или красные, а не иные) бѣлые и лазоревые (т. е. опять-таки синіе, а никакъ не „серрафіческие“, какъ полагаютъ нѣкоторые)¹⁾ киндяки и тафты, а не какіе либо другіе, т. е. *какія историческая или иныя соображенія — не случайного характера и выбора — имѣлись при этомъ въ виду?* Не помогъ ли во многомъ въ такомъ выборѣ, не имѣющемъ прецедентовъ въ Московскомъ царствѣ, самъ совѣтчикъ панъ-Бутлеръ, и не походила ли въ свое время вся эта историческая затѣя на первый опытъ, на забаву, въ родѣ послѣдующихъ потѣшныхъ, хотя и ставшихъ впослѣдствіи, подобно знаменитому „ботику“ Петра Великаго, изъ развлечениія первымъ кадромъ нашей регулярной силы?

Во всякомъ случаѣ едва-ли такой „потѣшный“ мореход-
ный вымпель могъ быть съ легкой совѣстью распространяемъ
на всю націю въ видѣ народнаго его знамени.

Едва-ли это можно сдѣлать и въ наше время, не желая
завѣдомо предрѣшить вопросъ, далеко еще не выясненный.

II. Петровскія новшества по составленію флага.

Петръ Великій, любившій творить и вводить разныя новшес-
ства, сильно увлекаясь своей страстью натурой, могъ и въ
области національныхъ отличій пожелать „обновить“ старый
несимпатичный ему строй и дать создаваемой имъ новой
Имперіи—новую эмблему, новые цвѣта и видъ, долженствую-
щіе отнынѣ видимо и назидательно отличать (аллегорическимъ
образомъ) новую эпоху отъ старой, совершенно имъ забрако-

¹⁾ Н. Энгельгардъ „Расцвѣтка русскаго національнаго флага“, Нов.
Вр. 1910 г. Юнь.

ванной. Ошибка Петра Великаго, являясь следствием не совсмъ подлежащаго усвоенія вмъ сущности геральдическихъ отличій вообще, состояла именно въ томъ, что онъ полагалъ возможнымъ и нужнымъ, одновременно съ административными и другими мѣрами и новшествами, однимъ ударомъ измѣнить и народные цвѣта и народный флагъ. Имъ не было надлежаще сознано, что, насколько первое естественно, практически и въ самомъ дѣлѣ оказалось великимъ въ смыслѣ преобразованій, настолько второе не соотвѣтствовало ни геральдическимъ традиціямъ народа, ни самому величію геніального преобразователя. Дѣло въ томъ, что именно въ гербовыхъ отличіяхъ (а национальный стягъ по своему значенію несомнѣнно является таковымъ для государства и народа), подобный „новшеству“, даже и съ идеей символизма и аллегоріи и намѣреніемъ въ нихъ цѣлью, не должны быть наскоро примѣняемы, а древняя эмблема или цвѣтъ націи, подобно гербу древняго рода, должны быть всегда и неизмѣнно сохраняемы нетронутыми. Въ противномъ случаѣ самая эмблема теряетъ символическое и историческое свое значеніе, не пріобрѣтаетъ популярности въ народѣ и становится не болѣе, какъ офиціальнымъ, казеннымъ штемпелемъ. Если же могутъ замѣтить, что Петръ Великій былъ принужденъ „создавать“ и въ этой области, за неимѣніемъ precedentовъ, то во всякомъ случаѣ эту работу надо было произвести въ национальномъ направлениі и въ исканіи древне-русскихъ образцовъ, а не въ послушномъ копированиі и усвоеніи моделей и проектовъ, взятыхъ безъ особаго разбора у первого попавшагося иностранного рисовальщика. Обновленіе стараго герба, согласно времененнымъ вкусамъ, составляетъ непростительный „ремонтъ“. Поэтому, не рискуя потерять свое значеніе въ международномъ мѣстничествѣ, государство не должно, безъ основанія, мѣнять старыя свои эмблемы на новые, ни при какихъ, даже новыхъ обстоятельствахъ. Это было хорошо у насъ понято послѣ Петра Великаго, особенно при Николаѣ I, когда русская офиціальная геральдика вышла на вѣрный путь и нашла настоящій выходъ изъ своего затрудненія, вернувшись къ древнимъ традиціямъ и образцамъ.

Рисунки новыхъ знаменъ составлялись особыми специалистами, иностранцами, и утверждались Сенатомъ.

Въ журналахъ и протоколахъ Правительствующаго Сената за октябрь мѣсяцъ 1738 г. (№ 240/2121, № 151) говорится, что до 1738 г. сочиненiemъ русскихъ гербовъ занимался въ Герольдмейстерской конторѣ герольдмейстерскій товарищъ, иноземецъ полковникъ Сантій; а потомъ повелѣно: „для сочиненія гербовъ представить иноземцевъ Іоганна-Кондрата Геннингера, о которомъ Академія наукъ представляетъ, что онъ въ герольдической наукѣ и въ знаніи чужестранныхъ языковъ и географіи и рисованію искусенъ, да бывшаго при Оренбургской экспедиції асессора Ягана Готфридъ Гейнгельмана, который... къ сочиненію герольдники и чужестраннымъ языкамъ и географіи и прочимъ наукамъ искусенъ, и при Оренбургской экспедиції употребленъ быть къ учрежденію гербовъ новозаложеннымъ городамъ и на знамена“ ¹⁾.

Такимъ образомъ нужно, какъ кажется, признать, что означенные цвѣтѣ царя Алексѣя Михайловича, а затѣмъ Петровского стандарта, составляли не болѣе, какъ случайную и времененную инновацію и творчество геральдической, еще не устаповившейся фантазіи самого Петра или близкихъ ему людей, наконецъ, кошю съ иностранныхъ образцовъ, безъ какого либо исторического прошлаго или логическаго ихъ объясненія. То же самое можно отнести и къ петровскому „андреевскому флагу“, пріобрѣтающему лишь специальнокорпоративное, традиціонное (для одного флота, созданного Петромъ Великимъ) значеніе, но также не могущаго имѣть общенаціонального характера, какой онъ тѣмъ не менѣе долженъ имѣть, отмѣчая собою флотъ русскаго, а не иного государства. Очевидно, при этомъ было забыто Петромъ Великимъ компетентное указаніе Бутлера, приведенное выше,—о международномъ значеніи и видѣ кормового морскаго флага. Нельзя забывать также, что орденъ св. Андрея Первозваннаго, положенный въ основу этого флага, самъ составлялъ совер-

¹⁾ Д. Самоквасовъ—Еъ вопросу о государственныхъ цвѣтахъ древней Россіи, Моск. Вѣд. № 156.

шенно новое¹⁾ отличие, и поэтому, какъ гербовный знакъ, могъ утвердиться лишь современемъ. Въ такомъ смыслѣ онъ и понынѣ лишь „украшаетъ“ въ видѣ намета щитъ государственного нашего герба, но отнюдь не является какой либо составной частью щита или самостоятельной „почетной его флагуровой“.

Не одинъ Петръ, впрочемъ, допустилъ такую погрѣшность, если вообще незнаніе геральдическихъ правилъ и проявленіе аллегорической въ этой области фантазіи можно назвать этимъ именемъ. Сто лѣтъ спустя другой великий человѣкъ, удивившій міръ своей геніальностью и смѣлостью плановъ, задумавшій передѣлать на свой ладъ не только одно свое отечество, но весь міръ, впалъ въ ту же мелочную ошибку. Наполеонъ, задумавъ преобразовать французское дворянство по своему, выработалъ широкій и многосторонній планъ въ этомъ отношеніи и создалъ цѣлую новую, своеобразную геральдику. Не подлежитъ сомнѣнію, что все это вышло позло и нелѣпо, плохо достигая цѣли (слишкомъ утилитарной и мало дворянской), возбуждалъ лишь насмѣшки современниковъ и не пріобрѣтая никакой популярности или исторической устойчивости. И здѣсь наблюдалось то же самое, что въ упомянутыхъ выше нашихъ геральдическихъ новшествахъ, хотя и имѣло то предѣль ними преимущество, что, какъ казалось, производилось согласно правиламъ науки и хорошо усвоеннымъ ея требованіямъ. Всѣ новоиспеченные графы и бароны наполеоновской имперіи вмѣстѣ съ своими фантастическими гербами, расписанными самимъ императоромъ, пожелавшимъ при этомъ превратить эти гербы въ какіе-то видимые и общепонятные служебные формуляры своихъ сподвижниковъ, на которыхъ ясно означены были ихъ положеніе и заслуги, не продержались долго, и вся эта непризнанная наполеоновская геральдика скоро исчезла вмѣстѣ съ паденіемъ своего автора.

Петръ Великій, въ пылкой страсти творить, спѣша, какъ бы затмить все прошлое и стереть всѣ слѣды, могущіе чѣмъ либо

¹⁾ Учрежденіе было лишь въ 1699 году.

о немъ ему напоминать, приступилъ къ дѣлу съ обычной своей энергией, болѣе однако пригодной въ дѣлѣ государственныхъ реформъ, чѣмъ въ творчествѣ геральдическихъ отличій. Недовольный первымъ своимъ „стандартомъ“, онъ обратился къ другимъ, тоже иностраннымъ образцамъ и сталъ производить опыты на подобіе установлениія формъ одежды, столь для него успѣшные, въ которыхъ пресловутая его дубинка сыграла не малую роль, заставивъ его подданныхъ разъ на всегда зарубить себѣ на носу неуклонную его волю. Стали аккуратно стричь бороды, бриться и носить вмѣсто русскихъ—нѣмецкіе кафтаны...

III. Петровскій стандартъ, привезенный изъ Архангельска.

Вотъ что разсказываетъ П. Бѣлавенецъ о происхожденіи привезенного имъ изъ Архангельска петровскаго стандарта и о всѣхъ послѣдующихъ его разновидностяхъ¹⁾.

„Петръ I послѣ своего первого посѣщенія города Архангельска въ 1693 г. пожаловалъ архангельскому архиепископу Аѳанасию свой стругъ, на которомъ онъ плавалъ на рекѣ Двинѣ, „со всѣю счастію корабельною“. Флагъ, поднимавшійся на этомъ стругѣ, былъ поставленъ въ кафедральномъ соборѣ на высокомъ 9-аршинномъ древѣ,—флагштокѣ“.

„Флагъ сдѣланъ изъ особой фланжной матеріи („флагдуха“), изъ которой дѣлаются всѣ флаги и сейчасъ. Легчище его, представляющее квадратъ по 6 аршинъ въ сторонахъ, имѣеть три горизонтальныхъ полосы: верхняя—белая, средняя—синяя и нижняя—красная. Полосы равной ширины. На флагѣ вшитъ изъ той же матеріи, захватывая всѣ три полосы, желтый орелъ. У него на груди масляною краской нарисованъ красивый щитъ съ изображеніемъ св. Георгія Побѣдоносца. Св. Георгій, бѣлый, на бѣломъ конѣ, колетъ золотымъ копьемъ зеленаго змія, поворотъ фигуры „церковный“, т. е. въ правую сторону щита“ (по геральдически—левую).

¹⁾ П. Бѣлавенецъ—Флагъ царя Московскаго 1693 г., привезенный изъ г. Архангельска по Высочайшему повелѣнію въ Петербургъ,—газ. Новое Время 1910 г., отъ 29 мая № 12288, прилож.

„Полотнище флага во многихъ мѣстахъ заплатано той же матеріей, и, повидимому, не разъ флагъ подвергался порчѣ, ибо кромка, прилегающая къ флагштоку, видимо была оторвана и пришита къ противоположной кромкѣ даже вверхъ ногами, а именно красной полосой вверхъ. Флагъ я засталъ прибитымъ щестью обойными гвоздями. Самъ флагштокъ, можетъ быть, современный флагу, былъ оклеенъ обойною бумагою подъ цвѣтъ свѣтлого дуба, что, конечно, доказываетъ заботу о немъ въ послѣдующіе годы. Повидимому, флагъ этотъ былъ первымъ стандартомъ (въ нынѣшнемъ значеніи этого слова), который когда-либо поднималъ русскій самодержецъ на суднѣ. Сочетаніе цвѣтовъ этого штандарта сохранилось и посейчасъ въ нашемъ національномъ флагѣ и является не случайнымъ, а выбраннымъ еще при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Царь повелѣлъ подъ Москвой, въ селѣ Дѣдиновѣ, строить „воинскій морской корабль“,—первый русскій корабль, построенный у насъ для военныхъ цѣлей. Командиромъ его былъ капитанъ Бутлеръ. Въ своей требовательной вѣдомости, подаваемой и теперь на судахъ, онъ указываетъ всѣ тѣ предметы, которые необходимо отпустить на строящейся корабль. Въ тѣ времена флаги назывались „морскимъ знаменемъ“, для воинскаго хода по-требнымъ“, а вымпела—„яловчиками“. Бутлеръ пишетъ, что ему нужно на изготавленіе „большого знамени, что живеть на кормѣ“ (по нынѣшнему—коровой флагъ), столько-то аршинъ матеріи; „на узкое, долгое знамя, что живеть на среднемъ большомъ деревѣ“ (т. е. по нынѣшнему—на вымпель),—столько-то, и „на знамя, что живеть на переднемъ лежачемъ деревѣ“ (по нынѣшнему на гюйсѣ),—столько-то аршинъ... А цвѣтами, какъ великий государь укажетъ; но только на корабляхъ бываетъ, котораго государства корабль, того государства бываетъ и знамя“. Итакъ, командиръ первого русскаго военнаго корабля указываетъ, что необходимо выбратьъ государственные цвѣта, подчеркивалъ при этомъ, что цвѣта эти должны быть не чужie, а свои.

Въ Московскомъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлья нашелъ и отвѣтъ на это требованіе. „Царь указалъ отпу-

стить: 310 аршинъ киндяковъ, да 150 аршинъ тафтъ червачатыхъ, бѣлыхъ и лазоревыхъ къ корабельному дѣлу на знамена и на яловчики“, т. е. государственными цветами призналь красный, бѣлый и синій. Эти цвета сохранились до нашихъ дней, какъ цвета нашего национального флага. Выбранныи они были въ 1667 году и съ тѣхъ поръ никогда не были отмѣнены.

Петръ I обыкновенно предоставлялъ почетное мѣсто своимъ сподвижникамъ, поэтому трудно указать, когда онъ подымалъ флагъ царя московскаго, какъ царь. Во всякомъ случаѣ, подобный архангельскому, „флагъ Царя Московскаго“ попадался въ изображеніяхъ того времени съ небольшими разновидностями. Особено должно быть отмѣчено изображеніе флага въ книжѣ Алярда, изданной въ Голландіи въ 1705 г., такъ какъ эта книга была тогда же въ переводѣ представлена государю, и государь издалъ ее на русскомъ языкѣ въ 1709 году. Книгу корректировалъ самъ царь, а потому немыслимо допустить въ ней ошибки въ изображеніи русского флага. Московскихъ флаговъ помѣщено тамъ три. Первый подобенъ хранившемуся въ Архангельскѣ: онъ съ золотымъ орломъ, на груди орла—бѣлый щитъ. Св. Георгій изображенъ повернутымъ по церковному. Побѣдоносецъ колетъ змія. Подобный этому штандартъ сохранился и до сихъ поръ въ Морскомъ музѣѣ. Онъ былъ поднятъ на корабль „Ингерманландъ“, когда царь командовалъ соединеннымъ русско-англо-голландско-датскимъ флотомъ въ Балтийскомъ морѣ. Это было единственный разъ за все царствованіе Петра Великаго, что онъ былъ на кораблѣ, какъ Российской Императоръ.

„Еще раньше желтаго штандарта въ арміи были введены офицерскіе шарфы изъ бѣло-сине-краснаго цветовъ, какъ цветовъ, выбранныхъ отцомъ государя для флага Московскаго государства.

„Они были отмѣнены фельдмаршаломъ принцемъ Антономъ Брауншвейгскимъ, а Высочайшимъ указомъ 17 декабря 1742 г. окончательно были установлены шарфы черно-желтые, по цвету герба Российской Имперіи, и тѣмъ нарушено древнее русское государственное сочетаніе бѣло-сине-краснаго цветовъ“.

Такъ говоритьъ г. Бѣлавенецъ.

Однако, хотя здѣсь и признается авторитетнымъ рисункомъ Алярда потому только, что книга, изъ которой онъ былъ взята, изданная въ Голландіи въ 1705 году, была переведена на русскій языкъ и издана въ 1709 году, при чмъ корректировалъ ее самъ Пётръ Великій, „а потому немыслимо (?) допустить въ ней ошибки въ изображеніи русскаго флага“, но такой доводъ безошибочности, странный самъ по себѣ, могъ бы имѣть значеніе лишь въ случаѣ признанія авторитетности въ этомъ отношеніи самого молодого преобразователя, несмотря на всю его гениальность, едва-ли допустимую. Намъ же кажется именно наоборотъ,—корректура Великаго Преобразователя Россіи ввела въ эти изображенія нежелательный въ геральдикѣ субъективизмъ, о которомъ сказано было выше, и придала изображаемымъ въ книгѣ флагамъ все, что угодно, только не исторически-национально-русское въ геральдическомъ отношеніи, т. е. въ смыслѣ совершенной самобытности. Относительно правильности конструкціи можно сказать то же самое, что мы и постараемся выяснить ниже; здѣсь же нельзя только не упомянуть, что лазуревая финифть первого флага и „бѣлый“ щитокъ на груди орла второго, съ изображеніемъ Св. Георгія Побѣдоносца, не имѣютъ никакихъ ни геральдическихъ, ни логическихъ, ни иныхъ оснований, такъ какъ лазуревая финифть, насколько это известно, рѣдко встречалась въ древне-русскихъ геральдическихъ отличіяхъ, а щитъ герба московскаго (нынѣ обременяющій грудь россійскаго двуглаваго орла на государственномъ гербѣ) всегда былъ червленымъ, подобно щитамъ большей части древне-русскихъ гербовъ, получившимъ свое начало еще со временъ языческихъ (рюриковскихъ) княжеской эпохи. О червленыхъ щитахъ военныхъ нашихъ людей и дружины мы имѣемъ ясное указаніе въ извѣстномъ „Словѣ о Полку Игоревѣ“, гдѣ говорится именно о такихъ, а не иныхъ щитахъ. Поэтому превращеніе щита герба московскаго изъ червленаго въ серебряный—составляетъ двойную неправильность: 1) историческую, какъ произвольное измѣненіе установленнаго вѣковымъ усвоеніемъ цвѣта, и 2) геральдическую, какъ

„ложную“¹⁾), такъ какъ при этомъ серебряный рыцарь и конь (т. е. металлъ) должны очутиться въ такомъ же серебряномъ (металлическомъ) щитѣ. Такимъ образомъ, говорить о „нарушениі древне-руssкаго государственаго сочетанія бѣло-сине-краснаго цвѣтовъ“ (при отмѣнѣ фельдмаршаломъ принцемъ Антономъ Брауншвейгскимъ и Высочайшимъ указомъ 17 декабря 1742 года, устанавливающимъ для арміи черно-желтые, по цвѣту герба Россійской Имперіи, офицерскіе шарфы этихъ цвѣтовъ), какъ кажется, серьезно не приходится.

Вообще всѣ усилия непремѣнно выдвинуть бѣло-сине-красные „петровскіе“ цвѣта на позицію древне-руssко-національныхъ составляютъ совершенно бесплодную работу, на успѣхъ которой во всякомъ случаѣ не должно и не можетъ вліять одно лишь „перевезеніе“ археологическаго предмета въ столицу, приравниваемое, между тѣмъ, къ какому-то важному историческому событию, подобно перевезенію монетъ святыхъ угодниковъ, получающему иногда историческую санкцію.

IV. Другія отрицательныя качества Архангельскаго трехцвѣтнаго стандарта и ему подобныхъ.

Сочетаніе трехъ цвѣтовъ, бѣлаго, синяго и краснаго, въ горизонтальномъ положеніи (въ поясъ—en fasce), съ обременяющими желтымъ двуглавымъ орломъ, некрасиво, не эстетично по своей геральдической сложности, пестротѣ и нагроможденности финифтей, металловъ, сбѣченій и эмблемъ, такъ какъ геральдическая красота въ техническомъ значеніи достигается обратнымъ образомъ, именно простотой сочетанія цвѣтовъ и эмблемъ и самаго рисунка.

При этомъ требуется также ясность и выразительность изображенія, достигаемая тѣмъ, что свѣтлыя части вырисовываются на темныхъ фонахъ, и наоборотъ. А такая крупная выразительная эмблема, какъ двуглавый нашъ орелъ, должна, казалось бы, находиться на фонѣ, способномъ рѣзко ее вы-

¹⁾ Enquerre, fausseté.

дѣлать, такъ, чтобы она бросалась въ глаза издали, на далекомъ разстояніи. Такой фонъ поэтому для нашего орла долженъ быть одноцвѣтнымъ, а не многоцвѣтнымъ, какъ это прекрасно достигнуто на Императорскомъ штандартѣ (въ золотомъ полѣ черный двуглавый орелъ). При этомъ, такъ какъ самая эмблема (т. е. орелъ) финифтная (въ оригиналѣ, т. е. черная), она непремѣнно должна находиться въ металлическомъ полѣ. Если же, наоборотъ, эмблема изображена металломъ (т. е. золотомъ или серебромъ, если она, другими словами, желтаго или бѣлаго цвѣта), она должна помѣщаться въ финифтномъ полѣ или щитѣ. Вотъ почему также привезенный изъ Архангельска флагъ, поскольку онъ вообще имѣть дѣйствительное отношеніе къ государственному-национальному знамени или стандарту петровской эпохи вообще, является, кроме того, неправильнымъ или, какъ говорятъ технически, — „ложнымъ“ (согласно французской, образцовой во всѣхъ отношеніяхъ и общепринятой терминологіи—*armes à enquerre, armes—fausses*), въ геральдическомъ смыслѣ.

Именно здѣсь, помимо уже всего вышесказанного, не соблюдено (а нарушено) основное правило геральдики, согласно коему никогда не слѣдуетъ накладывать металлы на металлы и финифть на финифть. Между тѣмъ, здѣсь, очевидно, золотые орлины головы должны очутиться въ серебряной „главѣ“ (*chef*), т. е. на бѣлой части флага, что и сбразуетъ сказанную геральдическую „фальшь“ ¹⁾.

Кромѣ того, тутъ допущена еще одна несообразность, указывающая на странное, во всякомъ случаѣ, игнорированіе общихъ правилъ, и даже болѣе—историческихъ традицій: измѣнена самая финифть главной нашей исторической, древнерусской эмблемы—двуглаваго орла. А именно: изъ черной, какой она должна быть по сохранившимся еще со временъ Софии Палеологъ и Иоанна III образцамъ, она превращена въ золотую. Такое превращеніе для гербовой эмблемы вообще недопустимо, такъ какъ измѣняетъ въ корне ея существо, значеніе и видъ, создавая изъ нея совершенно отличную отъ

первой эмблему и знакъ, въ данномъ случаѣ эмблему, ничего общаго не имѣющую съ древнимъ Византійскимъ орломъ, усвоеннымъ царями московскими ¹⁾.

Этотъ орелъ, какъ извѣстно, составлялъ нѣкогда римскую эмблему послѣ раздѣленія имперіи на половины западную и восточную (откуда двѣ головы) и въ Россіи составилъ аллегорической знакъ восточной православной державы, въ отличие отъ западныхъ папскихъ традицій. Византійскій этотъ двуглавый орелъ непремѣнно долженъ быть изображенъ чернью (sable), т. е. чернымъ, съ червлеными глазами и языками и золотыми клювами и лапами со щиткомъ московского герба на груди ²⁾.

Изображаемый же золотомъ, нашъ двуглавый орелъ теряетъ національные свои примѣты и становится совершенно новой, неизвѣстной нашей геральдикѣ, эмблемой, какъ бы вновь данной преобразователемъ; это уже не византійскій, а петровскій орелъ, не усвоенный, однако, впослѣдствіи ни самимъ Петромъ Великимъ, ни царственными его преемниками. Вѣроятнѣе же всего, это есть неточность, о значеніи которой самъ составитель даже не подозрѣвалъ. Возможно, однако, что онъ обратилъ и на это гениальное свое вниманіе, благодаря чему, можетъ быть, флагъ и былъ сданъ въ архивъ архангельскому архиепископу.

Такимъ образомъ, является не лишенное правдоподобія историческое предположеніе, что этотъ орелъ былъ лишь случайнымъ символомъ, не имѣющимъ какого либо болѣе серьезнаго значенія.

V. Цвѣта національного флага.

Национальный флагъ, по своимъ геральдическимъ особенностямъ, не только какъ своего рода украшеніе, но и какъ первоклассное народно-государственное отличіе,—стоитъ на

¹⁾ Ставшимъ послѣ того „rossijskимъ орломъ“ (Aigle de Russie).

²⁾ П. Фонъ-Винклеръ—Гербы Россійской Имперіи Слб., 1899, стр. 27; у такого же австрійского герба въ правой лапѣ двѣ регалии, на груди щитокъ съ гербомъ габсбургскимъ.

ряду съ таѣ называемыи „наметомъ“, окружающимъ щитъ герба, и мантіей (*pavillions et manteaux*), въ смыслѣ опредѣленія своего цвѣта. Эти мантіи и наметы (вѣкогда окружавшіе щитъ рыцаря, выставляемый до турнира предъ его палаткой) принимаютъ всегда цвѣтъ или металль, однородный съ цвѣтомъ или металломъ щита, его эмблемъ и фігурамъ. (Перворазрядными фігурами, *figures héraldiques de premier ordre*, называются геометрическія изображенія, кресты всѣхъ видовъ, пояса, столбы, главы, шевроны, оконечности и проч.). При этомъ за общее правило принимается, что фінифть или металль щита всегда входитъ въ „наметъ“ (*lambrequins*). Такимъ образомъ, если разсуждать послѣдовательно и правильно, надо сообразовать цвѣтъ нашего народнаго флага съ фінифтью и металломъ русскаго государственнааго герба. Примѣры такой системы мы видимъ и въ иностраннѣхъ государственныхъ флагахъ. Такъ, въ Австріи бывшие народные цвѣта—черно-желтые—были въ свое время приняты во флагъ, сообразно съ металломъ государственнааго герба (золотомъ) и фінифтью двуглаваго австрійскаго орла (*Aigle d'Autriche*). Точно такъ же цвѣта Германской имперіи—черно-блѣло-красные, т. е. соединенные цвѣта Пруссіи (черный и блѣлый) съ обще-германскимъ имперскимъ (краснымъ), указываются на ту же традицію. Цвѣта Пруссіи взяты изъ герба древне-пруссскаго щита, чернаго съ серебромъ (Гогенцоллерновъ), обременяющаго грудь чернаго прусскаго одноглаваго орла. То же самое можно сказать и о другихъ иностраннѣхъ флагахъ, напр., о бельгійскихъ цвѣтахъ—черно-желто-красныхъ, составляющихъ фінифти и металль бельгійскаго государственнааго герба (золотой левъ въ черномъ щитѣ)¹).

Бываютъ, конечно, и исключенія, но лишь, когда национальные цвѣта почему либо издревле усвоены инымъ путемъ,—безъ послѣдующихъ измѣненій. Такъ, родовой цвѣтъ Бурбонскаго королевскаго дома и королевской Франціи былъ блѣлый (серебро), несмотря на то, что гербовою эмблемою этого дома

¹⁾ De sable au lion d'or, lampassé de gueules.

были „золотая лилія въ лазуревомъ щитѣ“, т. е., казалось бы, желтый и голубой (три лиліи).

Что касается проектируемой реформы русскихъ национальныхъ цвѣтовъ и, повидимому, самаго рисунка государственного флага, то она должна состоять въ умѣлой пропрѣкѣ допущенныхъ за 200 лѣтъ измѣненій, въ установленіи незыблемыхъ геральдическихъ основаній—русскаго происхожденія, въ возвратѣ къ самобытному русскому историческому прошлому, объединенному въ одномъ общемъ образѣ, и въ устраниеніи изъ него всего наноснаго и случайнаго, а потому ненужнаго и лишняго, какъ равно и всего субъективнаго, явившагося плодомъ личной фантазіи составителей.

Разбирая ближе этотъ вопросъ, слѣдуетъ прійти къ несомнѣнному выводу, что русскій национальный цвѣтъ долженъ быть тождественъ съ цвѣтомъ государственного герба и Императорскаго штандарта, усвоившими черную филифть и золотой металль¹⁾, и что цвѣта бѣло-сине-красные не имѣютъ ничего или весьма мало общаго съ ними, какъ внесенные къ намъ съ Запада, а потому, какъ новые, чужды старой Россіи, отъ которой, однако, происходитъ Россійская Имперія.

Принять въ нашъ флагъ эти новые цвѣта петровской эпохи съ андреевскимъ флагомъ включительно, какъ государственно-национальные, значило бы отказаться отъ предыдущей исторической связи современной Россіи съ до-петровской, московской эпохой, имѣющей въ свою очередь связь съ княжескимъ періодомъ нашего отечества.

А такъ какъ главной московской эмблемой всегда былъ византійскій черный орелъ въ золотомъ щитѣ, не замѣненный пока иной государственной эмблемой и щитомъ, то слѣдуетъ прійти къ заключенію, что наша государственная геральдика далеко не думаетъ отказываться отъ старыхъ московскихъ и рюриковскихъ (московскій гербъ, похожій на литовскую эмблему—„погонъ“—рогой, вооруженный всадникъ, поражающій змія, вообще всадникъ въ вооруженіи, скачуцій

¹⁾ П. фонъ-Винклеръ—Гербы Россійской Имперіи, стр. 30.

на конѣ, встрѣчаемый въ гербахъ князей Рюриковичей,— весьма древняго, вѣрнѣе всего, еще языческаго происхождѣнія) традицій и усвоенныхъ ими геральдическихъ мотивовъ, и потому не приняла ново-имперскихъ (петровскихъ) эмблемъ, т. е. золотого или иного двуглаваго орла въ трехцвѣтномъ бѣло-сине-красномъ щитѣ (полѣ).

Такимъ образомъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что настоящіе русскіе финифти и металлы (т. е. цвѣта въ общепотребительномъ выраженіи) тѣ, которые должны входить въ изображеніе русскаго государственаго національнаго флага, должны быть тождественны съ металломъ щита, финифтью двуглаваго византійскаго орла и съ металломъ главной московской эмблемы—св. Георгія Побѣдоносца, т. е. должны быть черно-желто-бѣлыми, какими они были въ царствованіе Императора Николая I.

Однако, и этимъ еще не можетъ быть окончательно решенье вопроса о самомъ рисункѣ русскаго государственаго національнаго флага, который, кромѣ геральдической правильности, долженъ еще отличаться исторической и самобытной своеобразностью.

Русскій государственный національный флагъ можетъ быть и одноцвѣтнымъ, подобно Императорскому шандарту, лучше всего выражающему пока національную нашу государственную идею. Поэтому, какъ кажется, его слѣдовало бы у насъ рѣшительно принять за образецъ, такъ какъ онъ соединяетъ въ себѣ всѣ лучшія качества національно-русскаго флага: великолѣпный ясный и отчетливый рисунокъ, сохраненіе древне-русскихъ традицій, цвѣтовъ и эмблемъ государственного русскаго герба, громадную популярность не только у насъ, но и заграницей, классическую, чисто рыцарскую красоту и безукоризненную геральдическую правильность сочетанія металла, финифти и серединной эмблемы, наконецъ, благородную простоту. Такой флагъ способенъ электризовать русскія народныя массы, такъ какъ въ немъ наиболѣе рельефнымъ образомъ выражается національная идея православно-восточной Имперіи и единеніе царя съ русскимъ

народомъ, коего военный кличъ есть: „За Вѣру, Царя и Отечество!“

VI. Характерность национального флага, какъ важное условіе его популярности.

Обращаясь къ внешнему виду нашего национального флага, въ какомъ онъ былъ утвержденъ въ 1883 г., нельзя не прійти къ заключенію, что онъ далеко не характеренъ и не оригиналъ. Такое же сочетаніе трехъ цветовъ: бѣлаго, синаго и краснаго, мы находимъ и на другихъ национальныхъ флагахъ, такъ что на далекомъ разстояніи ихъ весьма легко, особенно для неопытнаго глаза и человѣка, не ознакомленнаго хорошо съ международными отличіями, принять за русскій, и наоборотъ. (Такъ, напримѣръ, французскій флагъ, сине-бѣло-красный, свѣшиваясь при безвѣтріи на флагштокѣ, сильно походить на русскій). Вообще это составляетъ большой недостатокъ нашего флага, и едва-ли найдется у насъ средній интеллигентный человѣкъ,—не говоря уже о простомъ народѣ,—который безошибочно сумѣлъ бы описать свой национальный флагъ и не началь бы его съ червленой финифти, т. е. краснаго цвета, вместо серебра (бѣлаго цвета). Рѣдкій скажетъ при этомъ, что русскіе цвета,—это бѣлый, синій и красный, а не наоборотъ, или не въ иномъ порядке. Между тѣмъ, иностранцы твердо знаютъ и помнятъ цвета и эмблемы своихъ флаговъ, въ чемъ имъ помогаетъ главнымъ образомъ историческая оригинальность и самая характерность всѣхъ или большей части этихъ флаговъ, легко поэтому запоминаемыхъ. Всюду обращено серьезное вниманіе на то, чтобы дѣти, уже со школьнай скамьи, заучивали эти отличія и твердо знали ихъ историческое объясненіе, умѣя быстро отличать свои национальные цвета отъ цветовъ другихъ націй ¹⁾.

Французъ, глядя на свой трехцвѣтный, красиво подобранный флагъ, переносится мыслью къ славнымъ для фран-

¹⁾ „Русский национальный флагъ“,—газета „Россія“ № 1400, 1910 года (наша статья).

цузского народа временамъ наполеоновской блестящей эпохи.

Швейцарецъ знаетъ, что его красный флагъ съ бѣлымъ укороченнымъ крестомъ посерединѣ составляетъ памятную эмблему великаго исторического события въ его отечествѣ, принятую за символъ единенія швейцарцевъ всѣхъ кантоновъ.

Нѣмецъ ясно читаетъ на современномъ, новомъ, какъ и сама современная Германская имперія, флагъ исторію возышенія Пруссіи (верхніе черно-бѣлые цветы) и возрожденія Германіи (красный двѣть) подъ ея гегемоніей.

У насъ въ Россіи, гдѣ государство сложилось и продолжаетъ стоять на древнихъ, выработанныхъ вѣками православно-монархическихъ традиціяхъ,—самая идея эта должна бытьувѣковѣчена и ярко выражена въ государственномъ, национальномъ флагѣ. Честь и гордость могущественной Россіи требуютъ этого. Необходимо помнить, что народный флагъ съ его дорогими каждому цветами и эмблемами, по нравственному вліянію его на людей, идетъ рядомъ съ впечатлѣніями, вызываемыми въ массахъ исполненіемъ народнаго гимна, патріотические звуки котораго такъ волнуютъ сердце каждого патріота.

Заодно необходимо коснуться и вопроса о другихъ российскихъ флагахъ,—хотя и не государственно-национальныхъ въ такомъ значеніи, но, тѣмъ не менѣе, русскихъ, и потому въ общемъ своемъ значеніи имѣющихъ съ государственно-национальнымъ большую связь, составляя лишь „разновидность“ одного общепатріотического русского государственного флага. Въ настоящее время, за отсутствиемъ одной общей объединяющей ихъ геральдической мысли, таковой долженъ бы быть черный двуглавый орелъ въ соотвѣтственномъ рисункѣ. Слѣдовало бы въ данномъ случаѣ придерживаться извѣстного однобразія, что не мѣшало бы каждому изъ нихъ имѣть свои угловыя (въ правой верхней четверти) отличія—въ видѣ специальныхъ эмблемъ и финифтей. Лучшій образецъ въ этомъ отношеніи представляютъ германскіе государственные флаги.

Общепринято, что торговый флагъ по своему построению

и цветамъ совпадаетъ съ общенаціональнымъ, такъ что, въ отличіе отъ военныхъ флаговъ, его можно бы назвать гражданскимъ. Въ Германіи существуютъ нѣсколько главныхъ разновидностей одного государственного-національного флага, именно—военный, таможенныи, почтовыи, морской и торговыи (онъ же національный). Во всѣхъ этихъ флагахъ усвоенъ одинъ общий геральдический мотивъ, состоящій изъ трехъ горизонтальныхъ цветовъ—черно-белло-красныхъ, помѣщаемыхъ лишь здѣсь и тамъ въ разныхъ частяхъ флага. Какъ и должно полагать, предпочтеніе отдано обще-народному (онъ же торговыи) мотиву, представляющему сказанные цвета безъ добавленій другихъ отличій и эмблемъ. Въ остальныхъ же флагахъ они помѣщены лишь въ правой верхней четверти (cantons), при чемъ на первый планъ выдвинута военная эмблема, черный съ белой каймой „укороченный“ крестъ, такъ называемый „Желѣзный“, учрежденный въ память побѣдоносной франко-пруссской войны 1871 года (Eisernes Kreuz), являющійся символомъ возсоединенія Германіи подъ гегемоніей Пруссіи.

На всѣхъ флагахъ, кроме торгового (національного), фигурируетъ этотъ „Желѣзный“ крестъ. Флагъ белый, раздѣляемый „удлиненнымъ“ чернымъ съ белыми каймами (окаймленный черно-белой полоской) прусскимъ крестомъ, т. н. узкой формы, обремененнымъ посерединѣ круглымъ щитомъ съ чернымъ прусскимъ одноглавымъ орломъ, на четыре четверти, изъ которыхъ, въ военномъ флагѣ—правая верхняя составляетъ вышеописанную національную трехцвѣтную черно-белло-красную часть, съ обременяющимъ ея поле „укороченнымъ“ и „уширеннымъ“ чернымъ съ белою каймою „Желѣзнымъ крестомъ“. Во флагѣ таможенномъ, кроме того, заполнена и первая нижняя (въ геральдикѣ называемая третьей) четверть—таможенными знаками; въ почтовомъ также въ той же нижней четверти помѣщены двѣ черныи скрещенные трубы въ желтомъ полѣ; въ морскомъ (навигаціонномъ) флагѣ, въ такомъ же полѣ находятся два скрещенныхъ лазуревыхъ якоря. Такимъ образомъ, на всѣхъ этихъ флагахъ сохранена одна общая идея, во образѣ трехъ на-

циональныхъ цвѣтовъ, и всѣ они являются вслѣдствіе этого лишь легко различаемыми ея разновидностями.

При реформѣ нашего національного государственного флага слѣдовало бы держаться той же логической системы одного общаго геральдического дѣленія и вида, принявъ за основу всѣхъ мотивовъ и эмблемъ—чернаго двуглаваго россійскаго орла въ желтомъ полѣ.

VII. Двуглавый россійскій орелъ и его примѣненіе на флагѣ.

Все время мы говоримъ и говорили о черномъ двуглавомъ византійскомъ орлѣ въ желтомъ полѣ, какъ объ основной нашей государственной эмблемѣ. Слѣдуетъ добавить, что и въ ея рисункѣ происходили, по мѣрѣ того, какъ шло время, различные перемѣны.

Эмблема эта древне-римского происхожденія. Извѣстно, что государственнымъ и военнымъ символомъ (гербовъ въ настоящемъ значеніи тогда не было, а начало ихъ относится къ среднимъ вѣкамъ—рыцарской эпохѣ) Рима былъ одноглавый орелъ, сидящій на вѣнѣ, подъ вѣнкомъ дощечка съ начальными буквами S. P. Q. R. (Senatus Populusque Romanus). Съ раздѣленіемъ имперіи въ 395 г. по Р. Х. на двѣ половины, Византія усвоила чернаго двуглаваго орла съ коронами на обѣихъ головахъ (римскій орелъ былъ безъ короны) на золотомъ фонѣ или въ золотомъ щитѣ. Гербъ этотъ перешелъ къ московскимъ царямъ съ пріѣздомъ Софіи Палеологъ, привезшей съ собою въ Москву изъ Константинополя троиць, на спинѣ которой былъ вышитъ этотъ орелъ. Крылья его, какъ и у римскаго орла, были опущены внизъ¹⁾.

Однообразная форма герба царей и великихъ князей московскихъ и государства русскаго установилась послѣ брака первого русскаго самодержца и царя Иоанна III съ поименованной греческой царевной Софіей Фоминичной Палеологъ, послѣдней изъ Византійскаго Императорскаго рода.

Много вѣковъ Царьградъ былъ опорой, столпомъ и славнымъ выразителемъ идей православнаго христіанства. Но вотъ, въ

¹⁾ Русскій національный флагъ, „Россія“ 1910, № 1401 (наша статья).

неравной продолжительной борьбѣ съ турками, Константино-поль палъ въ 1453 году. Рыцарски палъ, защищая родину и христіанство при осадѣ Царьграда, послѣдній греческій Императоръ Константинъ XII Палеологъ.

Послѣднимъ потомкомъ этого стариннаго Императорскаго рода Константина XII была дочь брата его Фомы, царевна Зоя, а по русскимъ лѣтописямъ Софія, которая пріѣхала въ Москву и вышла замужъ за царя и великаго князя всея Руси Иоанна III. Отъ этого брака она имѣла сына Василія, наследовавшаго послѣ отца царство русское и права „Базилевсовъ“ Палеологовъ. Мудрый Иоаннъ III нашелъ, что бракъ его съ царевной Софией получилъ значеніе передачи наследственныхъ правъ императоровъ византійскихъ русскому царскому роду и вмѣстѣ съ нимъ престижа Византіи юной Россіи.

Иоаннъ III усвоилъ византійскій гербъ на правахъ преемника угасшей византійской династіи. Въ лицѣ царевны Софіи Палеологъ перенесся древній императорскій родъ Греціи на русскій престолъ и слившись съ царями русскими, Иоаннъ III мудро принялъ символическій гербъ Византійской имперіи, какъ видимый вѣшній знакъ новыхъ правовыхъ отношеній Руси къ Греціи и Константинополю. Идея сліяння историческихъ задачъ павшей Восточной Имперіи съ задачами Всеѧ Россіи проявлена символически въ государственномъ гербѣ. Женившись на Софіи Палеологъ, Иоаннъ III принялъ за „ знамя“ гербъ царевны, который впервые, по сохранившимся историческимъ документамъ, появился на изображеніи печати, привѣщенной къ мѣновой грамотѣ великаго князя Иоанна III Васильевича съ племянниками его князьями Полоцкими. Писана грамота „на Москвѣ лѣта седьмъ тысячи пятаго“, т. е. въ 1497 году отъ Р. Х. юля мѣсяца. На одной изъ сторонъ печати находится изображеніе двуглаваго орла съ спущенными (распластанными) крыльями и съ короной на каждой головѣ.

На печати Ивана IV, приложенной къ акту I Лжедмитрія отъ 5-го ноября 1605 года, находится такой же византійскій орелъ, у котораго на груди щитокъ съ гербомъ мо-

сковскимъ — Св. Георгіемъ Побѣдоносцемъ, поражающимъ змѣя¹⁾.

До Михаила Феодоровича между двумя коронами, украшавшими головы орла, помѣщался православный крестъ; третья корона введена вмѣсто него въ 1625 году.

Въ актѣ Московскаго царя Алексѣя Михайловича отъ 1667 г., озаглавленномъ „Обнародованіе вступленія въ совершиеніолѣтіе Царевича Алексѣя Алексѣевича и о бывшихъ по случаю сему церемоній (Полное Собр. Зак. т. I—1649—1675, изд. 1830 г., стр. 737 № 7176, 1667, описание печати Россійскаго Государства; № 415—отд. 1 сентября 1667 года) описывается государственный гербъ, т. е. двуглавый орелъ, при чёмъ сказано, что у него на правой сторонѣ „три грады суть“, на лѣвой сторонѣ ниже три грады— Восточныхъ; Западныхъ и Сѣверныхъ; „подъ орломъ—какъ отчіча и дѣдича“ (т. е. гербы); на пресѣкѣ — изображеніе наслѣдника, въ пазногтѣхъ²⁾ скіпетръ и яблоко.

Со временемъ царя Алексѣя Михайловича официально на груди двуглаваго орла стали помѣщать щитокъ съ гербомъ московскимъ, съ регаліями въ лапахъ и тремя коронами, составляющими символъ Св. Троицы, и эмблемы трехъ царствъ, вошедшихъ въ составъ Московскаго царства,—Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго.

Съ теченіемъ времени положеніе крыльевъ двуглаваго орла и даже его цвѣтъ измѣнились, и уже на архангельскомъ стандартѣ 1693 года орелъ этотъ изображенъ золотымъ съ поднятыми вверхъ крыльями.

Съ 1669 года, т. е. со времени учрежденія ордена св. Андрея Первозваннаго, орелъ окружено цвѣпью этого ордена, на подобіе иностранныхъ образцовъ.

Въ 1800 году Императоръ Павелъ I прибавилъ подъ щиткомъ герба московскаго Мальтійскій крестъ (послѣ избранія Императора Павла I гросмейстеромъ ордена).

¹⁾ Н. П. Петровъ—Исторія родовъ русскаго дворянства, Спб., 1885 г., с. I, стр. 165 и слѣд.

²⁾ Отъ польскаго разногсіе—когти; w paznogciach—въ когтяхъ.

Однако это украшение не удержалось и послѣ смерти Павла I было отмѣнено.

Въ 1825 году въ изображеніе орла вкрадась чужеземная фантазія и геральдическая неправильность: именно на выпи-санной изъ Франціи для Императорскаго Двора серебряной посудѣ двуглавый орелъ былъ изображенъ съ распущенными крыльями (*éployée*), съ перевитыми (андреевскими) лентами, громовыми стрѣлами и факеломъ въ одной, и съ вѣнкомъ въ другой лапѣ; на груди московскій щитокъ съ изображеніемъ св. Георгія Побѣдоносца „влѣво“ (по геральдически, т. е. обращенного къ правой части щита) ¹).

Въ 1830 году при Николаѣ I вернулись къ прежнимъ образцамъ, и крылья приданы былъ видъ распущеныхъ, концами внизъ; на нихъ впервые размѣщены щиты гербовъ областей и царствъ.

Съ рисункомъ этого герба сходна государственная хо-ругвь. Она на золотомъ полѣ; посерединѣ вышеописанный орелъ, между головами котораго, нѣсколько выше, помѣщена третья корона (императорская русская)—съ регалиями въ зо-лотыхъ когтяхъ (у австрійскаго такого же двуглаваго орла бывшей Священно-Римской Имперіи—въ правой лапѣ двѣ регалии, на груди габсбургскій гербъ), по рамкѣ, въ лаврахъ и пальмахъ, шесть щитовъ—по три съ каждого бока, съ гер-бами земель и царствъ, входящихъ въ составъ Россійской Имперіи, и седьмой внизу посерединѣ, съ собственнымъ ро-довымъ гербомъ Государя Императора.

До половины шестидесятыхъ годовъ св. Георгій былъ об-ращенъ „влѣво“ (правой стороной считается въ геральдикѣ сторона, приходящаяся противъ лѣваго нашего глаза) щита, что составляло, однако, ошибку, почему съ тѣхъ поръ онъ былъ обращенъ „вправо“ щита (т. е. по геральдически), со-гласно требованіямъ геральдики.

Послѣдній образецъ государственного нашего герба утвер-жденъ 2 ноября 1882 года, вмѣстѣ съ особой сѣнью и варяж-скимъ шлемомъ Св. Александра Невскаго.

¹) П. фонъ-Винклеръ—Гербы Россійской Имперіи Спб., 1899 г., стр. 30.

При Николаѣ I національными установлены цвѣта герба и щита, т. е. черно-желто-бѣлые, которые въ 1883 году замѣнены бѣло-сине-красными.

Интересно отмѣтить при этомъ слѣдующее обстоятельство. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, при вѣздаѣ въ Варшаву Императора Александра II, весь городъ украсился національными флагами двухъ видовъ—черно-желто-бѣлыми, русскими, и трехцвѣтными—бѣло-сине-красными, почему-то счи-тавшимися польскими, вывѣшеными только изъ оконъ жителей-поляковъ, тогда какъ первые были вывѣшены одними русскими жителями города (это былъ первый вѣзездъ Императора послѣ мятежа 1863 г.).

VIII. Проекты реформъ національного флага.

Если могутъ возразить, что и эти николаевскіе (черный, желтый и бѣлый) цвѣта весьма походятъ на вышеописанные черно-желтые австрійскіе цвѣта, то нынѣ это неудобство совершенно отпадаетъ, такъ какъ, съ образованіемъ Австро-Венгерской имперіи, существенно былъ измѣненъ и самый рисунокъ этого флага и его цвѣта. Именно, теперешніе австро-венгерскіе національные флаги (т. е. военный и національно-торговый) не имѣютъ въ себѣ ни чернаго, ни желтаго цвѣтовъ. Первый составляетъ флагъ красно-бѣло-красный, при чёмъ посерединѣ въ бѣлой (серебраной) полосѣ помѣщенъ габсбургскій (австрійскій) гербъ на щитѣ; второй составленъ съ тою разницею, что нижняя полоса разсѣчена пополамъ, и вторая половина ея имѣеть зеленый, т. е. венгерскій цвѣтъ. На серединной (бѣлой) полосѣ, рядомъ съ австрійскимъ государственнымъ, помѣщенъ щитъ съ гербомъ венгерскимъ. Какъ видно изъ этихъ описаній, въ австро-венгерскомъ національномъ флагѣ нѣть ничего похожаго на русскіе цвѣта, усвоенные въ николаевскую эпоху. Изъ того же описанія видно, что въ національные флаги на западѣ принято включать изображенія государственныхъ гербовъ. Сама идея такого включенія флага весьма раціональна и красива и находить себѣ полное подтвержденіе во всемъ нами высказанномъ въ пользу усвоенія

древне - народныхъ эмблемъ и элементовъ во флагѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что государственный гербъ, созданный въ каждомъ государствѣ исторически и усвоенный вѣками, составляетъ самый драгоцѣнныи народный „клейнодъ“ (гербовное отличіе) каждой націи. Эмблемы монарха—яя верховнаго вождя—почетно украшаютъ флагъ государства, съ которыми вмѣстѣ съ тѣмъ усваивается, какъ было упомянуто выше, самая идея единенія съ нимъ народа, выражая символически приверженность его къ царствующему дому.

Нынѣ, при офиціальномъ выясненіи вопроса о государственномъ национальномъ русскомъ цвѣтѣ (въ особомъ по сему предмету совѣщаніи), естественно должна наступить реформа въ этомъ отношеніи.

Какъ кажется и какъ вытекаетъ изъ приведенныхъ здѣсь соображеній, реформа должна быть произведена въ смыслѣ возвращенія къ забытому древне-русскому прошлому, почему слѣдовало бы остановиться на одноцвѣтномъ типѣ флага, съ одной серединной гербовой эмблемой. Принявъ за образецъ Императорскій штандартъ, национальными, единими для остальныхъ государственныхъ флаговъ всѣхъ вѣдомствъ и учрежденій является—желтый, черный и бѣлый, а самый рисунокъ флага выразится въ видѣ желтаго поля съ чернымъ, „уменьшенній“ формы (т. е. меныше Императорскаго на $\frac{1}{3}$) двуглавымъ коронованнымъ (тремя коронами) россійскимъ орломъ (со щиткомъ московскимъ и проч.) посерединѣ, при чемъ отдельными флагами, военному, морскому, таможенному, карантинному, желѣзнодорожному, почтово-телеграфному и инымъ, если таковые понадобятся, будутъ прибавлены соотвѣтственные геральдические углы (или „вольны“ части, franc quartier).

Переходя къ болѣе специальному выясненію геральдическаго рисунка русского национального флага, руководствуясь вышеприведенными аргументами, нельзя не прійти къ заключенію, что национальный флагъ можетъ быть не только трехцвѣтнымъ, какъ это было до сихъ поръ, но также двуцвѣтнымъ и даже одноцвѣтнымъ, но при непремѣнномъ условіи отличія его отъ другихъ чисто народной эмблемой, т. е. россійскимъ орломъ.

IX. Военный флагъ и флаги другихъ вѣдомствъ.

Что касается другихъ специальныхъ (разновѣдомственныхъ) флаговъ, то первое мѣсто среди нихъ обыкновенно занимаетъ военный или военно-морской флагъ.

Какъ выражено было уже нами, настоящій нашъ военно-морской флагъ—лазуревый андреевскій (или, что все равно, скосенный или, наконецъ, бургундскій крестъ)—мало отвѣчаетъ своему назначенію, какъ національный флагъ, должнаствующій отличать русскія военные суда отъ судовъ другихъ державъ. Сказано было, что кормовые флаги (и это зналъ еще первый капитанъ нашего флота Бутлеръ) должны непремѣнно быть національными. Мы видѣли, что слѣдуетъ считать подъ этимъ понятіемъ, и потому, если теперешній бѣло-сине-красный трехцвѣтный нашъ флагъ не имѣть никакихъ признаковъ національныхъ, то тѣмъ болѣе это можно сказать объ андреевскомъ нашемъ флагѣ, несмотря на то даже, что онъ составляетъ символическое воспоминаніе о Петрѣ Великомъ, создателѣ русской морской силы. Между тѣмъ, сила эта не есть какая нибудь особая, кастовая, защищающая интересы лишь какого либо одного сословія или одной какой нибудь части русского государства, а существуетъ для поддержки интересовъ, престижа и моши „всей Россіи“. Слѣдовательно, флагъ этотъ долженъ быть, какъ и торговый—національный, непремѣнно обще-національнымъ и государственнымъ, а не только „флотскимъ“, морскимъ въ узкомъ смыслѣ слова, въ томъ смыслѣ, въ какомъ на дѣлѣ онъ существуетъ теперь. Этого достаточно, чтобы прійти къ мысли о необходимости реформы и этого традиціонно-корпоративнаго нашего флага, какъ кажется, по одному лишь недоразумѣнію фигурирующаго въ качествѣ военно-національнаго...

Такимъ образомъ и здѣсь главный элементъ его долженъ составить россійскій двухглавый, черный орелъ на желтомъ фонѣ, а андреевскій знакъ (флагъ) можетъ при немъ занять лишь второстепенное на томъ же полѣ мѣсто, опредѣленное вышеотмѣченнымъ правымъ угломъ (*canton dextre*).

Съ другой стороны, если придерживаться западной системы, следовало бы установить одинъ общий военный (т. е. какъ для сухопутныхъ, такъ и морскихъ силъ, крѣпостей, зданій и пр.) флагъ, при чемъ склонный лазуревый (подобно черному удлиненному въ германскомъ флагѣ) представилъ бы прекрасную комбинацію для серединнаго, его обременяющаго (*brochant sur le tout*) щита.

При этомъ необходимо лишь сохранить неотъемлемость отъ государственного россійскаго орла желтаго (золотого) фона или поля (щита), на которомъ онъ всегда долженъ находиться, обращая вниманіе на то, чтобы, вопреки часто практикуемой у насъ неправильности въ этомъ отношеніи, онъ случайно не очутился на какомъ-либо иномъ, чуждомъ ему фонѣ. Такъ, напр., если-бы онъ обременилъ лазуревый склонный (андреевскій) крестъ на морскомъ флагѣ, отъ этого произтекли бы двѣ геральдическія неправильности: 1) черная финифть орла отчасти легла бы на лазури креста, образовавъ фальшь (*enquerre*), нуждающуюся въ историческомъ ея объясненіи, котораго бы на дѣлѣ не оказалось, и 2) верхнія и нижнія части орла (т. е. головы и хвостъ) очутились бы на бѣломъ полѣ флага. Поэтому, какъ кажется, серединное обремененіе креста эмблемой возможно только въ щитѣ (въ картушѣ).

Что касается другихъ флаговъ разныхъ вѣдомствъ, то у насъ еще имѣются флаги таможенный и Министерства Путей Сообщенія. Послѣдній—бѣлый съ скрещенными лазуревыми сѣкіорами и якоремъ, помѣщаемыми въ лѣвой, нижней (четвертой) четверти поля, съ тремя национальными бѣло-сине-красными цветами въ верхнемъ правомъ углу. Вся перемѣна въ немъ состояла бы тогда лишь въ измѣненіи этого угла, сообразно съ измѣненіемъ национального цвета и рисунка (т. е. помѣщеніемъ, вместо нихъ, желтаго поля съ чернымъ государственнымъ орломъ).

Въ виду однородности функций почтово-телеграфнаго вѣдомства, участвующаго въ сообщеніи и передачѣ бумагъ изъ одного мѣста въ другое, и здѣсь флагъ вѣдомства не долженъ особенно отличаться отъ предыдущаго, а можетъ имѣть

лишь въ такомъ же (бѣломъ) полѣ свои особыя эмблемы,— скрещенные (двѣ) черные трубы и молнію.

Въ такомъ же родѣ могутъ быть составлены и всѣ остальные разновѣдомственные флаги—карантический, таможен-
ный и др.

X. Неправильности изображеній національныхъ отличій.

Остается еще сказать два слова о допускаемыхъ у насъ на каждомъ шагу неправильныхъ изображеніяхъ какъ націо-
нальныхъ нашихъ цвѣтовъ, такъ и самого герба.

Дѣло въ томъ, что такія нарушенія мы видимъ всюду—
въ большинствѣ случаевъ въ публичныхъ мѣстахъ, главнымъ
образомъ на всякоаго рода вывѣскахъ поставщиковъ, изобра-
женіяхъ, фрескахъ, дипломахъ, мебели ¹⁾ и пр.

Такъ, напр., приходилось видѣть золотого двуглаваго орла
въ червленомъ щите на мастерскомъ свидѣтельствѣ (дамскаго
портного), чернаго орла съ какимъ-то лазуревымъ щитомъ
на груди — на вывѣске; другого—бѣлаго съ быкомъ на
груди; на вывѣске фирмы (табачной) на Невскомъ про-
спектѣ тоже бѣлый двуглавый орель съ червленымъ щитомъ.
Попадались также золотые орлы съ лазуревыми лентами, бѣлые
орлы на красномъ полѣ, черные орлы на бѣломъ полѣ (сплошь
и рядомъ). При этомъ Св. Георгій Побѣдоносецъ получаетъ
совершенно несвойственный ему видъ: то онъ золотой, то
серебряный, то червленый, а драконъ подъ нимъ, вмѣсто зо-
лотого съ зелеными крыльями, принимаетъ фантастические
формы, образы и цвѣта.

Въ заключеніе нельзя не отмѣтить появившейся въ „Мо-
сковскихъ Вѣдомостяхъ“ отъ 8 и 9 июля 1910 г. (№№ 155,
156) пространной статьи извѣстнаго русскаго историка и

¹⁾ Даже въ правительственныхъ мѣстахъ; напр., орель на креслѣ зала Перваго Общаго Собрания Прав. Сената (выходящаго окнами на площадь) вышить (на спинкѣ) золотомъ по красному фону (бархату), т. е. въ червленомъ щите зо-
лотой орель (de gueules à l'aigle éployée d'or, вмѣсто—d'or à l'aigle éployée de sable). Кресло старинное, кажется, еще конца XVIII в.; но шатье и матерія на
немъ начала XIX в.

археолога, начальника Московского архива Министерства Юстиции профессора Д. Я. Самоквасова.

Статья озаглавлена „Къ вопросу о государственныхъ цвѣтахъ древней Россіи“ и заключаетъ въ себѣ богатый материалъ, извлеченный почтеннымъ ученымъ (изъ ввѣренного его авторитетному попеченію архива) вплоть до 1800 г., съ какового года онъ отказывается слѣдить за измѣненіемъ нашихъ государственныхъ цвѣтовъ, въ виду отсутствія въ архивѣ какихъ либо обѣ этомъ данныхъ. Предлагая интересующимся этимъ вопросомъ ознакомиться съ указанной статьей въ подлиннике и ссылаясь на сдѣланную нами по ея поводу замѣчанія въ повременной нашей печати („Свѣтъ“ отъ 16 юля 1910 года № 184—ст. Русский национальный флагъ), мы для полноты желаемъ лишь повторить уже высказанное нами по тому же предмету вкратцѣ. Именно, восходя въ своихъ ученыхъ изысканіяхъ до рюриковскихъ, а затѣмъ монгольскихъ временъ, проф. Самоквасовъ приводитъ подробности о печатахъ монгольскихъ государей, о гербовыхъ украшеніяхъ, рисункахъ разныхъ официальныхъ сочинителей знаменъ и гербовъ, о полковыхъ знаменахъ и, въ результатѣ, не приходитъ ни къ какому положительному заключенію о нашемъ государственномъ и национальномъ цвѣтѣ. Всѣ цвѣта и оттѣнки, вопреки правиламъ геральдики, не признающей ни алого, ни розового, ни синяго, фиолетового и другихъ цвѣтовъ,— приводятся, между тѣмъ, почтеннымъ профессоромъ, какъ государственные, регальные и полковые. Цѣлая радуга ихъ начинается отъ алого, красного, розового, лазуреваго, синяго, пурпурового, черного, зеленаго, „золотого“ (вм. металла), бѣлого (вм. серебряного) и оканчивается совсѣмъ неизвѣстными—таусиннымъ, темнымъ, сахарнымъ, брусничнымъ и вишневымъ... Этого слишкомъ ужъ много, чтобы изъ нихъ составить национальный флагъ; выборъ великъ, но труденъ...